

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА – ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятое востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН,
2012

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

М.И. Воробьева-Десятовская

**Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии
(тексты на тибетском и китайском языках)**

Василий Павлович Васильев родился в Нижнем Новгороде в 1818 г. и скончался в 1900 г. в Санкт-Петербурге. Это выдающийся русский ученый, синолог, буддолог, санскритолог. Академик Петербургской академии наук, он в течение 40 лет занимал должность декана Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Десять лет, проведенных в Пекине, в Русской духовной миссии, сделали его блестящим знатоком восточных языков и буддизма. В Европе никто не обладал таким высоким уровнем знаний китайского, тибетского, маньчжурского языков. Несмотря на свои огромные знания, Васильев в России был поставлен в такие трудные условия, что не сумел издать многочисленные источники, привезенные им из Пекина и подготовленные к печати.

Ключевые слова: языки Дальнего Востока, Пекинская духовная миссия, десятилетнее изучение языков и культуры Китая, буддизм.

Мне хотелось бы начать не с биографии Василия Павловича Васильева, а с той политической обстановки в мире, в которой протекала его деятельность. Европа оказалась зараженной «желтой опасностью». Еще не были забыты набеги кочевников, страх перед Чингисханом будоражил интеллигенцию, и в этот момент на политическом горизонте появилась новая опасность: китайцы и японцы. Позиции Запада в оценке России были двойственны: Россия представлялась или элементом «желтой опасности», или барьером на ее пути к Европе. В России эта опасность вспыхивает в кругах интеллектуалов, писателей, философов. Достаточно назвать имена В. Соловьева, А. Белого, А. Блока, которые опасались Сибири и видели погибель, которая надвигалась на Россию с Востока. Термин «Евразия» возник именно в те времена, когда политические круги России видели спасение в том, чтобы отделить часть Сибири от озера Байкал до Тихого океана и превратить эту территорию в торговый центр, допустив туда китайцев со своими товарами. Эти нелепые теории и на Западе, и в России возникли лишь потому, что ни политическое положение в Китае, ни его история, ни культура не были достаточно известны. Поездки русских ученых в Китай с научными целями стали совершенно необходимы.

Василий Павлович Васильев родился в Нижнем Новгороде 20 февраля 1818 г. Семья мелкого чиновника не имела возможности дать мальчику хорошее образование, и он был отдан в уездное училище в возрасте 6 лет. В 9 лет пришлось бросить учебу и поступить на службу на должность копииста в местный суд. В 1827 г. положение семьи улучшилось, и отцу удалось снова устроить сына в 3-й класс уездного училища, затем в гимназию, которую Василий Павлович и закончил к 1834 г. В этом же году он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, на отделение восточных языков. Его учителем был выдающийся ученый профес-

сор Г.М. Ковалевский. Способный ученик окончил университет в 1837 г. В том же году

© Воробьева-Десятовская М.И., 2012

он успешно защитил диссертацию и стал кандидатом монгольской словесности. Первая работа Васильева была посвящена одной из популярных сутр махаяны — «Сутре Золотого блеска». Васильев взял за основу монгольский текст, переведенный с тибетского языка. Ковалевский гордился своим талантливым учеником. Через два года после окончания университета Васильев защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии». Вторая научная работа глубоко и обстоятельно разбирала одно из важнейших понятий махаяны — *парамиту*. В этой работе впервые на основе монгольского и тибетского источников Васильев нашел объяснение буддийского термина *шуньята* (пустота).

Благодаря своим блестящим успехам Васильев получил предложение ехать в Пекин в Русскую духовную миссию для изучения санскрита, тибетского и китайского языков. Васильев согласился, но понимал, что для успеха поездки нужна серьезная подготовка, особенно по буддизму. На подготовку ушло два года. Васильев занялся санскритом, монгольским языком и буддизмом. Несмотря на то что первые научные работы Васильева показали, что в России появился талантливый ученый, представивший работы высшего класса, они не были напечатаны.

В 1840 г. Васильев вместе с И.И. Захаровым выехал в Пекин. Васильев ехал, полный радужных надежд и широких планов. Он надеялся изучить буддизм махаянского толка по источникам на тибетском и китайском языках. Кроме того, его интересовала Центральная Азия, ее население, языки, буддийская литература. В Пекине Васильев безвыездно прожил десять лет. За это время он изучил санскрит, китайский, тибетский и маньчжурский языки. Эти десять лет, проведенные в тяжелых трудах, были самыми тяжелыми в жизни Васильева. Руководство духовной академии экономило на учениках, для них нанимали самых дешевых учителей. Первые три года не было учителя по тибетскому языку. Васильев писал: «Большие тяготы тогда приходилось выносить мирянину, увлекавшемуся любознательностью; он должен был на десять лет, самых лучших лет своей жизни, запереться в доме миссии, подчиняться всем распоряжениям ее начальника, который нередко оказывался врагом научного образования; десять лет приходилось не видеть не только ни одного европейца, но даже ни одного русского, кроме тех, с которыми он приехал, а китайцы требовали, чтобы приезжало не более десяти человек...» (Скачков, 1977, с. 401–406). О такой же невыносимой жизни рассказывал и Н.Я. Бичурин. Денег не давали. Чтобы как-то прокормиться, приходилось продавать что-нибудь из утвари. Бичурин был лишен сана архимандрита, осужден и выслан из миссии. Васильев о недостатке пропитания не писал, но писал о своем внутреннем состоянии, которое и явилось причиной его депрессии. Он почувствовал ее после возвращения из Пекина. В биографии, изданной С.А. Венгеровым (СПб., 1895, с. 148–156), приведены слова Васильева: «...и вот я десять лет горел внутренним огнем, меня всего жгло, а нужно было казаться беззаботным, веселым, что может быть тяжелее того унижения, которое высказывается признанием». В течение всей своей долгой жизни Васильев хранил горечь этих десяти лет в Пекине, полных разочарований и тоски по родине.

С.Ф. Ольденбург неоднократно общался с Васильевым после его возвращения из Пекина и отметил, что, несмотря на невыносимые условия работы, ученый приобрел огромное количество знаний. Васильев в Пекине не имел никакой европейской литературы, да он и не любил пользоваться чужими исследованиями. Он предпочитал

использовать оригиналы на восточных языках, а в этом он не испытывал недостатка. Кроме того, он любил работать в одиночку и общался только с Захаровым, делившимся с ним трудные годы учения. С.Ф. Ольденбург отмечал особые черты характера Васильева: скептицизм, мрачность, нелюдимость. Это был оригинальный человек, общаться с которым было нелегко. Изучив древнеиндийскую литературу, он выражал сомнение во многих исторических фактах. Так, он сомневался в том, что Ашока жил в III в. до н.э. Он приготовил полный обзор сложнейших и труднейших китайских текстов по буддизму, перевел с тибетского языка «Историю буддизма» Таранатхи, расшифровал записки китайского паломника VII в. н.э. Сюань-цзана, которые давали правдивые сведения о состоянии буддизма в Индии. Пользуясь огромным количеством оригинальных восточных источников, он надеялся повернуть историю буддизма, не принимая массу книг, написанных по буддизму европейскими учеными.

В России Васильева ждало глубокое разочарование. Из огромного количества подготовленных к печати книг удалось напечатать только «Буддизм, его история, догматы и литература» — часть первая (введение) и часть третья «История буддизма в Индии Даранаты» (по тибетски Таранатхи). В предисловии к этому труду Васильев перечислил все источники, которыми он пользовался: «Предполагаемое здесь общее обозрение Буддизма составляет только малую часть всего мной написанного; это только введение к тем трудам, которые служили для меня основанием, к трудам, которые имеют целью развитие и оправдание того, о чем здесь сказано коротко и часто в виде предположения» (Буддизм, его история, догматы и литература, ч. I, с. IV). Все остальное осталось в бумагах Васильева. Не было такого ученого, который смог бы разобрать их и опубликовать. Несомненно, Васильев в то время был самым крупным буддологом и знатоком восточных языков. Но его знания никому не были нужны. Здесь уместно вспомнить слова С.Ф. Ольденбурга, сказанные в 1918 г. по поводу столетия со дня рождения Васильева: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд — все это встречаешь

с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды „первых“ томов, „первых выпусков“, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, труды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог... Эти горькие мысли невольно напрашиваются сегодня, когда мы вспоминаем Василия Павловича Васильева» (Ольденбург, 1918, с. 1–2).

В своих трудах Васильев впервые в отечественной науке предпринял попытку систематического изложения истории развития буддийской мысли. Кроме того, он был в числе первых востоковедов, поставивших вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта, о критериях выбора аналогов для перевода категорий буддийского учения на европейские языки, в частности о возможности применения таких понятий, как «спасение», «подвижничество», «святость», «божественное», «грех» и других к буддийским реалиям.

Сочинения по буддизму носят у него догматический характер. В неопубликованной книге «Религии Востока» Васильев крайне отрицательно относится к индийским источникам. Он не верит также и в древность китайской цивилизации. Как пишет С.Ф. Ольденбург, «ум его, холодный и положительный, относился всегда отрицательно к тому, что он не считал реальным» (там же). С.Ф. Ольденбург вел долгие беседы с Васильевым о буддизме в течение целых 15 лет. Его интерес к этому учению

не ослабевал, хотя часто он занимался китайским языком. В работе «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм» (1873, с. 107) Васильев выражает необыкновенные мысли: «Была ли в человечестве когда-нибудь мысль дерзче... чем буддийская, которая хочет сделать не только человека, но и всякую тварь божеством? А ведь такова именно его цель. Когда подумаешь, что грязный нищий, весь в лохмотьях, может быть, самый развратный и безнравственный, а уже без сомнения ничего не смыслящий и не знающий, из-за куса хлеба, чтобы ему не отказали в милостыни, готов уверить простодушного дарителя, что он за такое доброе дело делается святым, богом, Буддой — то страшно становится от убеждения, до чего может дойти корыстный обман и самолюбивое легковерие» (Ольденбург, 1904, с. 65–70).

В эти годы развитие буддизма пошло другими путями, он вышел за пределы Индии, в Центральную Азию и на Дальний Восток. Ученые не знали китайских, тибетских, маньчжурских источников настолько широко и глубоко, как знал их Васильев. Это была уже иная буддология, учитывающая тибетские и китайские переводы. Но то, что сделал Васильев, никогда не будет забыто. В 1890 г. английский исследователь П. Петерсон написал: «Васильев много сделал... Если мы представим себе положение вещей, при котором все Евангелие, на века, а может быть, и навсегда утраченное в греческом подлиннике, было бы внезапно найдено в переводе на готский, то мы поймем заслугу Васильева в деле изучения буддизма» (Ольденбург, 1904, с. 65–70).

Несмотря на замкнутость характера, Васильев общался с коллегами, которые занимались буддизмом, советовал им, подсказывал, давал указания и не боялся делиться своими идеями. С.Ф. Ольденбург называл Васильева основоположником русского востоковедения.

Самой крупной и важной работой Васильева следует считать «Комментарий к Махавьютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон». Текстологической основой лексикона было сочинение «Вьютпатти» из комментаторской части буддийского канона на тибетском языке. Традиционно оно называется «Махавьютпатти». Оно представляет собой список буддийских терминов, собственных имен, названий растений, животных и т.д. Васильев поставил перед собой трудную задачу — снабдить все 9565 терминов и имен комментариями, собранными из наиболее авторитетных тибетских и китайских буддийских сочинений. Значительно позднее японскими учеными был составлен другой Лексикон на четырех языках, помимо японского в него входили также санскрит, тибетский и китайский языки. Работа, за которую взялся Васильев, была очень сложной, требовала хороших знаний тибетской и китайской буддийской литературы. Особенно трудно было работать с китайской литературой: в разных буддийских произведениях одни и те же термины переводились по-разному. И все же Васильев почти справился с поставленной задачей, 2 тома хранятся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. К сожалению, лексон так и не был опубликован. В Архиве Академии наук хранятся также неопубликованные работы Васильева: «Этюды по буддийской догматике» (449 л., машинопись), «Обозрение буддийской письменности» (253 л., машинопись), «Материалы к тибетской хрестоматии» (335 л., машинопись).

Васильев оставил большое количество практических работ, карт, учебников, статей. Так, он впервые издал в Пекине большую карту китайских владений на китайском языке, снабдив ее названиями, под которыми они были известны в период 12 царствующих династий. В «Журнале Министерства народного просвещения» Васильев опубликовал несколько статей о географии Центральной Азии. Так, в 1852 г. была помещена статья «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях».

ниях». В 1857 г. в «Записках Географического общества» были опубликованы статьи по Маньчжурии: «Описание Маньчжурии», «Записка о Нингуте», «О реках, впадающих в Амур» и «О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии». В 1861 г. в этом же журнале появился ряд его статей, в которых впервые приводятся китайские сведения о древних народах, населявших Центральную Азию: киданях, чжурчжэнях, монголо-татарах, маньчжурах в эпоху Юань и Мин. Важные данные были представлены им о продвижении мусульман в Китае. Васильева интересовала палеография, и ряд статей им был написан о графической системе китайских иероглифов, о сравнении китайской палеографии с другими восточными видами письменности, об истории китайской иероглифики. Его статьи переводились на иностранные языки и пользовались большим авторитетом. Конечно, для нас безусловно важными являются его работы по религиоведению, особенно цикл «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм». Васильев подготовил «Буддийский терминологический словарь» и за несколько недель до смерти обратился к правительству за разрешением издать этот словарь. К сожалению, не успел. У нас сохранилась публикация небольшого отрывка тибетско-русского толкового словаря. А между тем эта работа была особенно важна, и последователи Васильева — Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург, Е.Е. Обермиллер продолжили ее. В наши дни эта тема стала важнейшей в работах Е.П. Островской и В.И. Рудого.

Необходимо отметить и еще одну сторону работ Васильева. Для студентов Казанского университета он написал «Маньчжурско-русский словарь» (1866), «Анализ китайских иероглифов» (1866), «Китайскую хрестоматию» (1867), «Опыт первого китайско-русского словаря», переводы произведений китайской классики. После переезда в Санкт-Петербургский университет он прочитал курс «Материалы по истории китайской литературы».

Васильев не примыкал ни к западникам, ни к славянофилам. Слухи о том, что он был сторонником тех, которые кричали о «желтой опасности», во многом преувеличены. В сердце его, горячем и трепетном, не проходила боль о трудных десяти годах, проведенных им в Русской миссии в Пекине. Эти воспоминания, очевидно, и стали поводом для слухов о его антикитайских позициях.

В 1851–1852 гг. Васильев составил программу преподавания китайского и маньчжурского языков. О необходимости изучения Китая и его культуры Васильев писал: «Неужели эта страна... нация, движущаяся самостоятельно столько тысячелетий, не заслуживает нашего внимания... У нас думают, что изучив историю Греции, Рима и новейших времен, мы знаем все; нет, мы знаем одну только половину человечества, другая скрыта от нас глухой пеленой...».

В 1856 г. Васильев выступил в печати со статьей, посвященной впервые составленной им системе изучения китайской письменности (СПб., 1856, часть 92, с. 333–358). Он предложил Академии наук китайский словарь с использованием этой системы. В 1867 г. словарь был издан способом литографии.

Большое количество бумаг Васильева, привезенных из Китая, пропало. Вряд ли они когда-нибудь найдутся. Результаты первичного обследования рукописей В.П. Васильева (СПб., 1867. Литография) нашли отражение в двух публикациях, составленных выдающимися буддологами, создателями первой буддологической школы в АН СССР: С.Ф. Ольденбургом, Ф.И. Щербатским и М.И. Тубянским (Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927, с. 753–754).

- Васильев В.П.* Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852.
- Васильев В.П.* Графическая система китайских иероглифов // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1856. Часть 92.
- Васильев В.П.* Буддизм, его история, догматы и литература. Часть первая. Общее обозрение. СПб., 1857. Часть третья. История Буддизма в Индии Даранаты / Пер. с тиб. СПб., 1869.
- Васильев В.П.* Комментарий к Махавьютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон. Не напечатано. Хранится в Архиве Академии наук.
- Васильев В.П.* Опыт первого китайско-русского словаря. СПб., 1867. Литография.
- Васильев В.П.* Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873.
- Венгеров С.Ф.* Биография Васильева В.П. Т. IV. Отдел II. СПб., 1895.
- Кычанов Е.И., Никифоров В.Н., Сазыкин Г.А., Пан Т.А., Хохлов А.Н.* История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. Гл. 6. В.П. Васильев. С. 305–317.
- Ольденбург С.Ф.* В.П. Васильев как исследователь Буддизма // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1904.
- Ольденбург С.Ф.* Василий Павлович Васильев // Наш век (ежедневная газета). Пг., 1918. № 40(64). С. 1–2.
- Ольденбург С.Ф., Щербатской Ф.И., Тубянский М.И.* Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В.П. Васильева и В.В. Горского. Доклады АН СССР. Серия В. 1927. С. 753–754.
- Ольденбург С.Ф., Щербатской Ф.И., Тубянский М.И.* О рукописном наследии В.П. Васильева // Известия АН СССР. Серия 6. 1927. Т. 2. С. 1815–1818.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Summary

M.I. Vorob'yova-Desyatovskaya Academician V.P. Vassilyev on the History of Buddhist Philosophy (Tibetan and Chinese sources)

Vassily Pavlovitch Vassilyev was born in Nizhny Novgorod on February 20, 1818, into a family of a common clerk. As there were no prospects for the boy to receive a good education, he entered a local school at the age of 6, but had to leave it three years later in order to start working in the regional court of law as a copyist. In 1827 his father managed to send him to a lyceum which the boy finished in 1834. In the same year, he was admitted into the Department of History and Philology of the Kazan University. The talented pupil graduated from the University in 1837. In the same year Vassilyev defended his thesis and got the Candidate's degree in Mongolian literature. Two years later, Vassilyev defended his dissertation "On the Basics of Buddhist Philosophy" and became a full-fledged Master of Arts.

Due to his outstanding achievements, Vassilyev was invited to join Russian missionaries in Peking where he could study Sanskrit, Tibetan, and Chinese. In 1840, Vassilyev left for Peking. In Peking, he subsequently stayed for 10 years without leaving the city even once. Those 10 years of hard work turned out to be the most difficult ones.

Russia disappointed him. Out of the studies he had written and prepared for print, only two were published: "Buddhism, Its Dogma, History, and Literature", part 1, and "History of Buddhism in India by Daranata" part 3.

Vassilyev became the first Russian who made a systematic review of Buddhist thinking and its development. Besides, he was one of the first scholars to declare the necessity of an adequate language required to describe the Buddhist spiritualism, to choose European analogues for Buddhist categories, such as "salvation", "vision", "holiness", "divine", "sin", etc.

In 1851–1852 Vassilyev wrote a curriculum of courses in Chinese and Manchu. He wrote about the necessity to study China and its culture. He did not share the fear of the "yellow menace".